

KI 1451 448

Юрий МАКСИН

Плавучий берег

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД РОССИИ
Вологодское областное отделение

ПИСАТЕЛИ РОДНОГО КРАЯ

Серия «Писатели родного края. Поэзия»

Юрий МАКСИН

ПЛАВУЧИЙ БЕРЕГ

Стихотворения и поэмы

K 1451448

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Вологда
2013

16+

к

УДК 821.161.1(470.12)-1

ББК 84(2Рос-4Вол)6-5

М 17

84(2:411.2)6-5

Серия «Писатели родного края»
основана в 2012 году

1954

Максин Ю. М. ✕.

М17 Плавучий берег: стихотворения и поэмы. / Юрий Максин; Литературный фонд России, Вологод. отделение. – Вологда: 2013. – 168 с.; илл. – 8.

(Писатели родного края. Поэзия)

ISBN 978-5-91967-118-3

В новой книге известного вологодского поэта Юрия Максина представлены стихотворения и поэмы, объединённые темой памяти.

Автор – член Союза писателей России и Союза журналистов России, победитель международного поэтического конкурса «Золотое перо-2007». Его стихи публиковались во многих центральных и региональных изданиях.

Книга Юрия Максина «Плавучий берег» открывает поэтическую серию издательского проекта «Писатели родного края».

УДК 821.161.1(470.12)-1

ББК 84(2Рос-4Вол)6-5

© Максин Ю. М., 2013.

© Лебедев Е. А. (илл.,
обложка), 2013.

ISBN 978-5-91967-118-3

РИТМ ПРОВИНЦИИ ЧИСТ

Однажды вдруг замечаешь, что чистая родниковая вода имеет вкус... И хочется её пить, тело твоё по ней истосковалось. И душа также жаждет чистоты.

Слово – источник, питающий душу и тело. Им всё начиналось, в нём сокрыта великая сила.

Если говорить о стихах поэтов из провинции, то в лучших стихотворениях ощущается вкус чистоты. Здесь люди ближе к природе, к Богу. В их словах сохранён изначальный смысл.

Деление на провинциальных поэтов и поэтов столичных означает лишь приверженность определённому спектру тем, обусловленному местом пребывания на Земле. По сути же – это либо поэт, либо нет, как в столице, так и в провинции.

Автор книги стихотворений «Плавучий берег» годы учёбы провёл в Москве, как поэт состоялся на Вологодчине. Здесь прошло его детство, здесь он живёт, осознанно сделав свой выбор.

«Ритм провинции чист» – это строка из стихотворения, посвящённого писателю Станиславу Золотцеву, с которым автор состоял в переписке. Известный столичный писатель последние годы жизни провёл в родном Пскове, вдали от московской суеты, написав о себе:

*«Вот и вся моя жизнь:
от избы в заповедной глубинке
до московских высот – и обратно,
опять в глубину
древнерусского края,
родного до малой росинки –
словно рыба ко дну.
И судьбу я ничуть не кляню».*

Один вернулся на родину после окончания столичного вуза, другой – после того, как столица впала в денежную лихорадку. Возвращение к истокам стало необходимым для продолжения творчества, осуществления своего дара.

У Золотцева в стихотворении «Россия пишет» есть замечательные строчки: *«...но день России недаром прожит, коль в ней возникло живое слово»...*

Предлагаемая вниманию читателей книга стихотворений Юрия Максина называется «Плавучий берег».

Название необычное.

Берег – это что-то надёжное, незыблемое. В сознании не укладывается, что берег можно назвать плавучим. Плавучим может быть остров, который оторвался от берега. Но такой остров ненадёжен, зыбок, на нём долго не продержишься. Он, в конце концов, размывается окружающими водами.

И все же плавучий берег существует, и надёжнее его нет. Это всё то, что сопровождает человека в течение жизни, живёт в его памяти. Это берег, к которому в любой момент можно пристать, оттолкнувшись от которого можно жить дальше...

Геннадий САЗОНОВ

ОДНАЖДЫ

Однажды в зовущей метели
решил я продолжить свой путь.
А мимо машины летели
не в силах уже тормознуть.

За чем вы спешите, родные?!
Печально. Куда ни пойду,
не тройки летят удалые –
машины в угарном чаду.

Что двигало мною, не знаю.
Но что-то порвалось навек.
Наверное, в поисках рая
уходит в метель человек.

Отринув пустые тревоги,
нахлынувшей волей дыша...
Ах, только б не выдали ноги,
и пела от воли душа!

Всё дальше – от резкого света,
от шума, от всей суеты,
не зная, но чуя, что где-то
к любви не сгорели мосты.

Не надо – шальной карусели!..
Метель успокоилась вдруг.
Машины, как пули, летели.
Снежинки летели, как пух...

Летели... Летели...
Снежинки летели, как пух...

ГОРОД

Помню город, корёжащий душу.
Только,
я этот город
любил.
Я хотел его слушать
и слушал.
Ну, а он – говорил, говорил.

Помню лязги и визги трамваев,
помню запах подземный
метро.
Мне казалось не адом,
а раем,
всё, что сделано в мире
хитро.

На излучинах хитросплетений,
перед новым
изгибом судьбы
никогда не вставал
на колени,
зная, – город не любит
мольбы.

Он меня научил не сдаваться.
А пытала судьба
на излом, –
он меня научил
улыбаться,
не скулить
окровавленным ртом.

И я верил ему, словно брату,
что умней
и сильнее меня.
Не считая ни в чём
виноватым,
я в нём жил,
и себя не виня.

Мы, как звери, любили охоту,
по ночам
вылезая из нор.
Но с крестов
не скребли позолоту
и не гнали бабло
за бугор.

Нам хватило надолго иллюзий,
что бессмертна —
большая страна,
что никто выше крыш
не нагрузит,
не нашлёт
никакого рожна.

Незаметно приблизились беды,
соблазняя
заморским житьём.
Русский город
заполнился бредом,
здесь и слышим не то,
и поём.

Ослабела державная воля,
растворяясь
во лжи и вине.
У деревни –
несчастливая доля.
Её предали,
как на войне.

Не лечить стало модно, а ранить.
Говорят:
всё быльём зарастёт...
Но под видом
стирания граней
алчный город деревню
добьёт.

Город, город, что случилось с тобою?
С каждым днём
ты становишься злей.
Задохнёшься
испорченной кровью
без лесов
и без русских полей.

Что ж ты пляшешь под дудку бесовью?
Называют тебя – город-вор...
Захлебнётся
своей нелюбовью
всякий,
сдавший страну
на разор...

СВИДАНИЕ СО СТОЛИЦЕЙ (последнее признание в любви)

Да, было время! Оглянулся –
стоит Москва – и весел взгляд!
Но мир в наживу окунулся,
и русский я – Москве! – не рад.

Я из обманутой России
принёс, с поклоном, тихий стон.
Но в нём бунташные стихии
отметились со всех сторон.

Кавказ – отдельная беседа,
ты создала громоотвод.
Ты делишь деньги, делишь беды
и разделила весь народ.

Отгородилась. Отбомбилась
столичной ложью по стране.
Да, ты, Москва, преобразилась.
Но где, тот самый, свет в окне?

А ведь была в сиянье славы
и дорогой – не в смысле благ,
как центр стремительной державы,
надежда мира, герб и флаг.

Какая слава отгорела!
Какие беды пронеслись!
Так за тебя душа болела!
Так за тебя, Москва, дрались!

Ты помнишь ли, какая сила
легла, на подступах, в войну?!
Ты всё, похоже, позабыла,
когда ограбила страну.

Любовь – не велика потеря!
Не ей – столичный фимиам.
Москва теперь любви не верит,
а верит бешеным деньгам.

Очнись скорей от звона злата,
не заражай народ алчбой,
ведь Русь не деньгами богата.
Очнись, покуда Русь – с тобой!

Не колокольчика тоска
на много вёрст окрест.
Под ветром ветки ивняка
играют благовест.

А где-то там,
на высоте,
другой – глубокий звук
о том, что в горней красоте
не обойтись без мук.

Что высший путь – то крестный путь
и, взявшись крест нести,
нельзя обратно повернуть
и поменять пути.

В пустой замёрзший гулкий лес
вхожу, как в Божий храм.
Уносит ветровой оркестр
осанну к небесам.

ДРУГИЕ ГОРОДА

Я бывал в городах, незнакомых совсем.
Я бывал в городах, возведённых во сне.
В тех старинных, почти деревянных –
избяных, слюдяных, филигранных.

Кто сплетал кружева этих улиц, мостов?!
Я их трогал руками, был плакать готов.
Так всё крепко, надёжно и пахнет судьбой
не украденной, не подменённой – родной.

Слобода кузнецов, слобода рыбарей...
Лента башен и стен, и княгиня на ней,
осиянная светом, как Божия Мать,
ей далёко видать и далёко сиять.

Я бывал в городах, я бродил невидим,
словно тень, словно тать, а хотел быть своим.
Я кричал и метался во снах, как в бреду,
думал, снова дороги сюда не найду...

Мне в тяжелые дни, чтобы петь, чтобы жить,
посылает судьба путеводную нить –
чтоб, восстав ото сна, я и верил, и знал –
это в русском раю я во снах побывал.

РУССКАЯ СКАЗКА

Какая старая зима —
седым-седа и холод лютый!
Висит густая бахрома,
а сквозь неё блестит луна,
как золотой, слегка погнутый.

Стреляют мёрзлые стволы,
пугая путника и зверя.
Промёрзли тонкие углы,
прячт крестьянские столы,
и с паром в дом впускают двери.

И чёрный хлеб, и белый хлеб,
в печи под вечер разогретый,
ножом трофейным режет дед.
Он самый мудрый в ряде лет
и самый строгий дед планеты...

А годы мчатся всё быстрее,
с горы,
как детские салазки.
На родине всё холодней,
и я дышу на стёкла дней,
чтоб не замёрзнуть
русской сказке.

Люди-птицы, куда вы летите?!
Чем быстрее – тем ближе к концу.
Вы крестьянке в глаза загляните,
их спокойная мудрость – к лицу.

Небо, поле, река и дубрава
навели в них навек чистоту.
Ни хула не смутит их, ни слава –
сохранили любовь и мечту.

Век не короток – целая вечность.
Всё сумела. Ей Бог помогал.
Не погасла в глазах человечность.
Свет добра – для людей просиял!..

Кому-то кирпичные стены
создали желанный уют.
А мне деревенские гены
в спокойствии жить не дают.

Гремлю ли разорванной цепью,
пою ли, хлебнувши вина,
душа, словно птица над степью,
как в прежние годы,— вольна.

Как в прежние чудные годы,
когда механический век
ещё не поставил заводы
на русла и промыслы рек.

Ах, милая наша природа,
порода счастливых людей!
Всё стёрли жестокие годы,
всё высушил век-сухостей...

Душа закурлычет от счастья,
коль свидеться ей суждено
по Божеской милости-власти
со всем, что исчезло

давно...

1451448

Сушили крылья толстые стрекозы.
Сюда давно никто не заходил.
Корявый ствол сломавшейся берёзы
лежал в траве, как белый крокодил.

Я на расщепы поглядел с опаской.
Кругом таилась колкая беда.
И вдруг плеснуло самой жаркой краской
в лицо
 предощущение стыда...

В стенах родительского дома,
в их тишине
душа к былым годам влекома,
к былой стране.

И к праздникам былым и датам
рождений,
к тем,
кто сделал первый шаг когда-то
на радость всем.

За первым шагом было много
путей-дорог...
Но привела опять дорога
сюда, где Бог.

Где он затеплил в поколениях
любви огонь,
соединив, как цепи звенья,
ладонь в ладонь.

ПОМИНАЛЬНЫЕ СВЕЧИ

Сквозь своё отражение в окне
вижу вечер, избу за дорогой.
Три окна в ней затеплены Богу,
словно свечки на тёмной стене.

Кто там нынче не спит? Не отвечу.
Приезжают то он, то она.
И горят поминальные свечи –
три простых деревенских окна.

Раскидала судьба, разметала,
как птенцов из родного угла.
Сыну выпало – плавить металлы.
Дочь – столичная жизнь увела.

Папа с мамой – давно на погосте.
Без хозяина дом – сирота.
И скрипят деревянные кости.
И былая ушла красота.

Подлатают, и снова – в дорогу.
Бросить жаль, не уехать – нельзя.
Кто ж так молится русскому Богу,
что от дома уводит стезя?!

Храни тебя Господь,
деревня Плосково,
всех, кто живёт,
всех, кто здесь будет жить.
Ты в море жизни
остаёшься островом,
куда всё время
хочется приплыть.

Жалею,
что ни школы и ни молодежи
здесь больше нет.
И даже школьный сад
роняет осенью не яблоки,
а жёлуди,
их, как известно,
дети не едят.

Нас увели дороженьки,
похитили,
в других местах
ты пустишь корешки.
Храни Господь
твоих исконных жителей,
пускай живут подольше
земляки.

Печальны нынче
сельские картины.
Стоят деревни
словно миражи.
Их окружая
крепкой паутиной,
растут коттеджи,
дачи, гаражи.

Смыкается петля
и удушает —
и прежний быт,
и труд
детей земли.
Что будет здесь,
никто пока
не знает.
Но цвет крестьянский,
точно,
извели.

СТАНИСЛАВУ ЗОЛОТЦЕВУ

1.

Молчали об этом всеведы,
не чуяла сердцем страна:
грядёт за Великой Победой
эпоха
Великого Сна.

Нет пастыря,
нету святого,
всеведы твердят не о том...
Осталось лишь Русское Слово
ещё не охвачено
Сном.

Оно невесомее пуха,
трепещет в устах мудреца,
незримой энергией духа
светясь,
зажигает сердца.

Бесценная книга,
молитва,
ночной разговор о былом –
зовут на духовную битву
со всёусыпляющим
злом.

Живое, творящее Слово —
едино на все времена.
Мир гибнет от слова пустого.
Россия!
Очнись ото Сна...

2.

Мы знакомы стихами
и письмами тоже —
заочно.
Строчки наши навеки
в духовный
вошли резонанс.
Может быть, на Земле
это только и прочно.
Ну а там,
где сейчас вы,—
один ещё только из нас.

Вы явились опять
на знакомой волне
вдохновенья.
Ритм провинции чист.
На него
откликается рай.
Может быть, в небесах
нам зачтутся святые мгновенья —
русских душ единенье,
запомнивших
радостный май.

Зло исчезнет с Земли,
очищение придёт
непременно.
Ритм провинции строг.
Здесь –
последний России оплот.
Песней русской души
и молитвенной, и откровенной
мы напомнили вместе:
не вывелся
русский народ.

Живой воды
с родимого колодца
налей мне, мать,
вина —
не наливай!
Хотя б на миг,
пускай отец
вернётся —
сегодня май,
опять
вернулся май.

Живой водой
польём
цветы земные.
Воскресли вновь
на родине цветы.
Воскреснут все
Руси
места святые.
Не стоит жить
без этой
красоты.

Пусть враг помедлит
с новой войною.
Нас не сломить,
за нас —
победный май!

Нас небеса
кропят
живой водою.
Ушедших бед,
Господь,
не воскрешай...

МЕТЕЛЬ

Замело все пути, все дороженьки,
повалило родимую ель.
Путник мой, береги свои ноженьки,
по России гуляет метель.

По России давно уже рыскают
злые стаи людей и зверей.
Помоги тебе Господи выстоять,
добрести до заветных дверей.

Чтоб встречали теплом, а не холодом
и никто не смотрел на часы,
чтобы честь, бережённую смолоду,
не унизили взглядом косым...

По весне
плакать бедному скворушке,
заметают родимую ель.
Ангел мой,
береги свои пёрышки –
и тебе добираться
в метель.

Стал горек хлеб за праздничным столом,
и думы тяжелей – день ото дня.
Остановилось время за окном –
невидимая форма бытия.

На старых лозунгах уже растут грибы,
зато на древках – новые портреты.
Неужто все мы – пасынки судьбы –
шестая часть ещё живой планеты!

Как долго длится эта злая явь!
Как много зло имеет вариаций –
от шабашей в поруганных церквах
до лагерей, до псевдодемонстраций.

О, Русь моя! Преступен каждый миг,
переходящий в долгую покорность,
детей твоих униженную гордость,
к которой каждый, кажется, привык...

В прошлом нет запасных вариантов.
И на хрупкие души юнцов,
как на плечи гигантов-атлантов,
опустилось наследство отцов.

Время веры ушло безвозвратно.
Бьются души, как рыба об лёд.
На священный квадрат аккуратно
опустился чужой самолёт.

Урожай – на одни анекдоты.
Горек смех. Липок хлеб задарма.
Заполняются сердца пустоты
бесполезным избытком ума.

Сила сгинула в страшные годы
без вины,
на войне,
без войны.
Оскудели народом народы
в перекройках чиновной страны.

Как немного дающих осталось.
Нелегко отбиваться от жал.
Со свободы добро начиналось.
Только кто ж её даром давал?

* * *

Я плачу, глядя фильмы о войне.
И ничего тут пояснять не надо.
Отцова кровь на поле Сталинграда,
отцова кровь на огненной дуге.
И та же кровь с осколком от снаряда
и пулевым свинцом течёт во мне.
Ей о войне рассказывать не надо,
она сама расскажет о войне...

ЗАВЕТ

Если столетья смотреть на просвет —
много России пришлось пережить.
Слышится временем данный завет:
главное — знамя не уронить.

Вижу: поднялся в атаку солдат
Родину грудью своей защитить.
Там, где снаряды и пули летят,
главное — знамя не уронить.

Если к своим, у себя на груди,
знамя пришлось из боёв выносить,
помни: решающий бой — впереди.
Главное — знамя не уронить.

Долго его через беды несли,
чтоб над столицей врага водрузить.
Чтобы Победы цветы расцвели,
главное — знамя не уронить.

Если и ты, по прошествии лет,
сможешь за Родину жизнь положить,
значит, не зря сохранился завет:
главное — знамя не уронить.

* * *

Немного в целом мире вечных слов,
ваяющих сознание народа:
Любовь, Семья, Отечество, Природа,
Надежда, Вера и опять Любовь...
Они роднят и очищают кровь.

Сколько слов носит ветер?
Тот, кто их на ветер бросал,
за слова теперь не в ответе.
Ветер, ветер, зачем ты их взял?

Ты уносишь в пространство,
перемещаешь далеко-далеко,
превращаешь в непостоянство
всё, чему верили глубоко.

С ветра никто не спросит,
и прозвучало так:
«Собака лает, ветер носит».
Носишь слова собак.

Сколько ты сможешь вынести
трусости, лжи и лая?
Вынести или вымести...
Ветер, ответь.
— Не знаю...

Неприютность
бывает смертельна.
Таёт жизнь
и без этих минут.
Греет душу
лишь крестик
нательный
среди нашего срама
и смут.

Он качается –
маятник Бога –
то возвысит,
то долу пригнёт.
Жизнь –
такая прямая
дорога,
что на метр
не увидишь
вперёд.

Где найти
вожака,
что не сгубит?
Наглый – снова
в баранку согнёт
и гвоздей
из народа
нарубит,
и гвоздями
на крест
вознесёт...

НАШЕ

*«И какое может быть крушение,
Если столько в поезде народу?»*

Н. Рубцов

Лист бумаги. Карандаш.
Мокрый шёпот слёз-горошин.
В чистом поле мчался *наш*,
а теперь стоит заброшен.

За столом, среди старья –
книг, линеек, склянок, клея –
тлеет лампа бытия,
временами душу грея.

Временами времена
воскрешают речи, лица.
Мира сгнившая стена
всё не хочет обвалиться.

Временами времена
злыми осаами роятся.
Жизни тонкая струна
так и хочет оборваться.

Мир идёт из следа в след.
Белый свет в дисплей обужен.
Не смешно ли, Интернет
всей планете станет нужен?

Мокрый шёпот. Карандаш.
По-английски русский – раша.
В чистом поле воет *наш*.
В тёмном небе
светит
наша...

Велик соблазн: остаться одному,
чтобы никто, нигде – на всей планете...
Встречая свет и провожая тьму,–
ни за какую боль не быть в ответе.
Проснёшься утром: есть в реке вода,
на небе – солнце, воздух пахнет мёдом.
Соблазн велик. Но как, скажи, тогда
остаться сыном своего народа?

Я жить хочу
в России
не спеша.
Хочу,
чтобы оттаяла
душа.

Когда весну
объявит
ледоход,
пускай душа
оттаёт
и поёт.

Пускай
навстречу льдинам
с дальних стран
потянется
крылатый
караван.

Его я встречу
песней
молодой
с ещё одной
оттаявшей
весной.

И если был
опасен
перелёт,
я знаю,
всё со временем
пройдёт.

Пускай душа
оттает
и поёт...

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПРОГУЛКА

Был поздний вечер. Звездопад
будил желаний рой.
Я шёл туда, где мир и лад
меж мужем и женой.
Я знал давно – когда не ждут,
то лучше не ходить.
Но так бывает – не могу
один ни есть, ни пить.
Я думал, что не стану им
чужим, придя с вином,
и мы всю ночь проговорим
за собранным столом.
Что друг, под утро, за двоих
возьмётся проводить.
И мне останется – за них
судьбу благодарить.

Так думал я, но видит Бог,
что наших мыслей строй,
переходя чужой порог,
в чужой вступает бой.
Кричит сварливая жена,
молчит уставший муж.
Не смог он больше без вина
тянуть семейный гуж.
Вчера он выпил, закурил,
с друзьями толковал,
явился поздно и без сил
в постель, как в гроб, упал.

Сегодня мучает вина,
а в чём — не знает сам.
И бьет сварливая жена
словами — по глазам.

О, нет! Мой друг не из таких.
Жена — ему под стать.
Я двигал ветки нежных ив,
что любят птиц качать.
Баюкал ветер тихий край,
плыл в небе лунный зрак.
Уснувший парк вороний грай
будил, сгущая мрак.
Не доделили, видно, днём
еду или рубли
и под небесным фонарём
и ночью торг вели.
А может, старый, битый вран
уселся невпопад.
И, не щадя свербящих ран,
летит насмешек град.

О, люди, птицы и зверьё!
Земля на всех одна.
От власти злое вороньё
пьянеет без вина.
Оно кустится по верхам
и правит чёрный бал.
Там через раз — то плут, то хам,
других я не видал.
Другим — достаточно земли,
достаточно — воды.

Плывут их семьи-корабли
от счастья до беды.
А всё, что между,— это дни,
которые судьба,
скучая, гасит, как огни,
на выдумки слаба.

Из тьмы приблизилась стена,
но крик встревожил слух.
А из знакомого окна
летел какой-то пух.
Стоял мой друг, потупив взгляд,
качая головой.
Он был случайной встрече рад,
но радостью иной.
— Послушай, кто здесь рушит кров? —
я у него спросил.—
Зачем весь этот ад голов?
На жизнь не хватит сил.
Здесь снег нetaющий летит.
Ужель пришла зима?
— Нет. То жена моя чудит.
Как все, сошла с ума.

Так горько он сказал о том,
так тяжело вздохнул,
что я достал сосуд с вином
и другу протянул.
О, люди, птицы и зверьё!
Земля на всех одна.
В сосудах горькое питьё,
как жидкая стена.

За ней укрывшись, в поздний час
остались мы вдвоём.
Окно замолкло. Свет погас.
Семейный стихнул гром.
Беседу долго мы вели,
метя душевный хлам.
А где-то плыли корабли
к родимым берегам.

Вернулось солнце, сделав круг,
не поломав руля.
Пошел к жене мой добрый друг.
К себе вернулся я...

Виктору Плотникову

Она идёт помимо нашей воли.
Порой, проходит вовсе без следа.
Томительны несыгранные роли
и зряшно пролетевшие года...

Ах, сколько пережито сердцем боли!
Прозрения и мудрость – ей взамен.
Проходит жизнь помимо нашей воли
в томительное время перемен.

Я в детстве гладил жеребёнка,
он робок был, был робок я.
Два удивительных ребёнка –
уже другого бытия...

Гляжу на небо без отрыва,
там разыгрались стригунки.
И сердце бьётся у обрыва
всё поглощающей реки.

ПОСТАРЕВШИЙ БУРАТИНО

Постаревший Буратино...
Он остался с носом – длинным.
Ни Мальвины, ни друзей,
стружки лезут из ушей.

Жизнь – театр. А куклы кто?
Кто – осёл. Кто – конь в пальто.
Все в театре, все при деле,
только годы улетели...

Буратино... Буратино...
Он остался с носом – длинным.
Подружился с Дуремаром.
Одиноко куклам старым.

Папа Карло – на том свете.
И на всей большой планете
он такой теперь один –
нету больше Буратин...

Не будите... Не будите...
Дайте, дайте отдохнуть.
Мою душу не смутите.
Впереди – далёкий путь.

Впереди лежит дорога,
словно лента среди трав.
На холме – жилище Бога
всё в сияющих крестах.

Припаду к святым иконам,
коих много на Руси.
Старый батюшка с амвона
скажет: «Господи, спаси!».

Перекрестит на прощанье,
и я выйду за порог.
И сквозь злое завыванье
мне пройти поможет Бог...

РИТМ СВЕТА

Закат, восход – неповторимы.
В них – отражённый света жар.
За край Земли неопалимый –
опять скатился Солнца шар.

Там – утро, день; здесь – сникли силы.
Здесь спят, а там – работы гул.
Луч вечности неугасимый –
свет жизни людям протянул.

Мрак космоса во снах витает,
ему подвластны времена.
Но свет от мрака – пробуждает.
Его посланница – весна!

Ритм света движет поколения
из тьмы – на свет, из света – в тьму;
закат, восход – как воскрешенье...
Всё подчиняется ему!

* * *

Жизнь банкует, годы мечет.
Чёт и нечет — суета.
Круг за кругом
режет кречет
в чистом небе путь винта.

Чую — выбрал, чую — знает,
на кого стрелой упасть.
Что ж он, сокол, выжидает,
или есть над ясным власть?
Может, он в лазури чистой —
лишь копьё в руке Творца?
Вижу, кружит нынче близко,
тень касается лица.

Чёт и нечет, чёт и нечет...
В жизни всё – не просто так!
Пусть подольше кружит кречет.
Ловчий кречет – Божий знак...

ТЕЛО

Его уже покинула душа.
Оно лежит без жизни, не дыша.
Без чувств, без мыслей, но его черты
ещё не стали частью темноты.
И я увидел – светится оно,
ещё навеки не погребено.
Свет рук поверх нательного белья
напоминал о смысле бытия.
Я думал: сколько сделали они
за долгий век,
их не за что винить...
Но нет теперь нужды в таких руках,
израненных в работах и в боях.
Кровь не бежит по венам,
скоро тлен
возьмёт земное тело в смертный плен...
Но тонкий свет от тела исходил
и об извечной тайне говорил,
что смерть бессильна,
что его дела
над чёрной бездной святость подняла.

Сиянье чуда жизни нам дано
и вместе с телом не погребено.

ДУША

Однажды упал я
в бездонную пропасть.
Действительно,
в пропасти не было дна.
Лишь нервы
натянуты были,
как стропы,
и куполом билась
над телом —
она.

Не встречным потоком
меня повернуло.
Не кто-то чужой
помогал в вираже...
За то,
что держала;
за то,
что тянула
не вниз, а наверх,—
благодарен душе!

ТАЙНА

Я очнусь среди дня,
в звоне мёрзлых берёз,
поседевший от долгой разлуки.
Я тряхну сединой
с бриллиантами слёз,
затвердевших
от хлада и муки.

Я на солнечный мир
погляжу сквозь стволы.
Всё горит, полыхает от света.
И теплом и уютом
дымятся котлы,
только счастья
всё нету и нету.

На блистающий мир
погляжу я с тоской.
Скоро станет остывшей золою.
Я хотел бы открыть,
но за снежной горой
я последнюю тайну
укрою.

Который час сегодня на Земле?
Погнулись стрелки,
слиплись циферблаты.
Обедать время
иль с поклоном в Штаты,
или пылить на шабаш на метле?

Не стоит, брат.
Всё в этом мире зыбко.
Всё это не приводит никуда.
На Млечный Путь
берестяная зыбка
подвешена.
В ней спит дитя-звезда.

НАПОМИНАНИЕ

Из года в год, из века в век
Русь рада нежному покрову.
Ей подобру и поздорову,
когда летит из неба снег.
А затихает снегопад,
выходит солнце из-за тучи —
искрится Русь красой могучей
и радует открытый взгляд.

Сияют белые листы
седой равнины государства,
как след потерянного царства,
где были помыслы чисты...

Во мне живут ростки былой любви.
Я их назвал «Любимая, живи!»

Как точно их определилась суть,
сказав моей душе: «Не позабуди!»

Не позабуди, не позабуди... Не позабуди...
Цветы любви пробьют однажды грудь.

Я срежу их, и соком алых роз
впишу стихи в альбом ушедших грёз...

Что с тобой стало, что сделалось?
Где ты, виновница бед?
Нет тебя рядом, любимая,
нету – и юности нет.

Грустно, как в роще берёзовой,
что лишь в сознании жива.
Чувства в поленницы сложены
и прогорят, как дрова.

Чуть обогреют и холодно
в пальцах чужих, как во льду.
Где ты, души моей золото?
Нету. Теперь не найду.

Не на что больше надеяться.
Где ты, виновница бед?
«Милый мой, всё переменится», –
девушка шепчет вослед.

Я любил тебя
так давно...
После было
много
другой
любви.

Вспоминаю тебя
сейчас,
когда деревья
теряют
свою красу.

На Земле,
не осталось
уже никого,
кто бы мог
так любить,
как любили
друг друга
те двое...

Кем они были?

ПИСЬМА

Ты открываешь письма,
 что в них – ещё не знаешь.
Целые книги писем –
 правда в них есть и ложь...
Это всего лишь письма,
 которые ты читаешь.
Это всего лишь письма,
 которые ты прочтёшь.

В чьих-то безумных строчках
 сразу себя узнала.
Чьей-то чужой печали
 в сердце вошла стрела...
Это всего лишь письма,
 которые ты читала.
Это всего лишь письма,
 которые ты прочла.

Завтра, а может позже,
 станет судьба яснее.
Годы прошли в разлуке,
 счастья – на медный грош...
Это всего лишь письма,
 которые душу греют.
Это всего лишь письма,
 ты их не раз прочтёшь.

Письма! Письма!
Это всего лишь письма!

Пишите письма о любви.
Пишите письма.
Пускай летят они за ней,
летят, как листья.

Обугленный чужим огнём
бумажный ворох
родит в покинутой душе
ответный шорох.
Пусть облетит твоя душа,
спеша,
полсвета.
Пишите письма о любви,
не ждя ответа.

Сквозь голые стволы зимой —
свет из оконца.
Пишите письма о любви.
Она вернётся.

Душа моя! Снег бел и тёмны ели.
Два дня в трубе нещадно ветер выл.
В метель ко мне две птицы залетели,
сегодня их, залётных, след простыл.

Один стою в широком белом поле,
где ни души, где даль чиста, и тишь.
И я гляжу за горизонт до боли,
откуда ты, быть может, прилетишь.

Ты думаешь:
никто,
нигде
не ждёт;
потерянное —
вновь
не повторимо.
Ты много раз на дню
проходишь мимо...
Но вдруг
судьба окликнет,
позовёт.

И кровь
на зов
приливом отзовётся.
Ей станет
мало
сердца одного.
Лети на зов,
не слушай никого.
Иначе
сердце
бедное
взорвётся.

Тучи пронзила луна,
цепь за окошком завыла.
Кошка лбом
дверь приоткрыла,
мягко прошла до окна.

Вспрыгнула.
Смотрит во тьму,
не обернулась на зов.
Что-то я в толк не возьму:
кто кому
дарит здесь кров...

Слушает, смотрит, поёт,
глажу её невпопад.
На небе звёзды горят.
Небо вспорол самолёт.

Лает
и воет Полкан,
мёрзлые цепи звенят.
Сердце тоскует без ран.
Звёздочки
с неба
летят...

СОН

Мне приснилась собака,
лизнула мой нос.
От жены не дождёшься такого.
И по этому поводу зреет вопрос
и цепляется слово за слово.
И ругаюсь,
и пробую рифмы искать,
и ломаю ненужные перья.
На экране в углу продолжают
стрелять,
и по этому поводу —
зверь я.
Ну, когда вы поймёте,
что надо любить,
как собака,
что в сон заходила
и лизнула лицо,
а могла укусить;
что любовь — это вечная сила.
Это наша с тобой золотая струна,
и чужим её трогать не нужно.
И её задевают
то он,
то она,
то её задевают супружно.
Нам бы вспомнить, сыграть бы
в четыре руки,
на два голоса петь до улады.
Закрываю глаза, и мне лижут виски
две собаки
из райского сада...

Вы сказали мне: «Ангел!»
И я захмелел.
Очень крепкое это вино.
Айседора Сергея

среди суетных дел
называла вот так же.

То было давно...
Ах, какой он был ангел!
Златые власы!

А мои
серебрятся,
как снег.
Злато, серебро
люди

кладут на весы.
Я не ангел
и не человек.
Я – влюблённый,
а значит – лечу на огонь
и в огне
неприменно сгорю.
Вы на губы мои

положите ладонь,
я вам песню в неё
подарю.

Ты о чём задумалась, колдунья,
свет моих оттаявших очей,
самая красивая молчунья,
от моих уставшая речей?

Знаешь ли, зачем ты появилась?
Думаешь, я зря вчера сказал,
что любви звезда не закатилась,
что тебя желанней не встречал?

Что, пока живу на Божьем свете,
я любви не потеряю свет.
Без него печально на планете —
самой одинокой из планет.

ОСТРОВ СПАСЁННЫХ

Я прибегаю к тебе в темноте,
птицей взлетаю по лестничной клетке.
Знать бы моей сероглазой мечте,
как тяжело это слышать соседке.

Как тяжело за дверями стоять,
чувствовать счастье, летящее мимо.
И никого за порог не впускать,
и не шептать, обнимая: «Любимый!»

И не смотреть в дорогие глаза...
Я – в них никак не могу наглядеться.
Слышите, как громыхает гроза
за оболочкой влюблённого сердца!

Слышите, рвутся сосуды, как шёлк.
Мачта скрипит, паруса улетели.
Я сероглазую пристань нашёл.
И раскачались шальные качели...

Всё отшумит, откричит, отпоёт.
Двое причалят на остров спасённых.
И непонятно соседка вздохнёт,
не услышав за дверями влюблённых.

РОМАНС

Судьба ещё не развела.
Ещё звенит хрусталь меж нами.
Бокалы тонкого стекла
соединяют лёд и пламя.
Но это хрупкое стекло
сейчас наполнится слезами.
Пока ещё не всё прошло,
давай останемся друзьями!

Давай останемся друзьями!
Не убирай своей руки.
Пока слова ещё легки,
давай останемся друзьями!..

Ещё глядят глаза в глаза,
и помнится любовь былая.
А эта первая слеза –
слеза ещё совсем не злая.
Не всё рассыпалось меж нами,
как это хрупкое стекло...
Ещё не всё, не всё прошло!
Давай останемся друзьями!

БЕГУНЬЯ

Девушка, как солнышко, бежала.
Круг, ещё один, другой...
Ей чего-то тоже не хватало
в этой жизни сложной и простой.

Спутника, который вечно рядом?
Тренера, который знает как?
Я бегунью провожаю взглядом –
по утрам гуляющий чуждак.

Девушка бежит по стадиону,
обгоняя ранний солнца луч.
Он ещё скользит по сонным кронам,
но уже прорвался из-за туч.

Сердце у меня, как мячик, скачет,
что-то настигает по пятам...
Я желаю девушке – удачи,
в жёлтой майке бегать по утрам.

Здесь что-то чудное творится.
Здесь слышен звон,
здесь виден свет.
И мчится, мчится вереница
минувших лет.

Ой, пролетело их немало...
Но встреча снова
сердце жжёт,
как будто нам недоставало
её одной – из года в год.

Десятилетия промчались.
Сияет месяц
над рекой.
Когда-то мы здесь целовались.
Давай махнём на всё рукой...

Я хочу по тебе заскучать,
потому отпусти меня с Богом.
Пусть дорога, дорога, дорога
будет раны мои бинтовать.

Заврачует тревоги, печали.
Я настоящим лугов и лесов,
пропитавшим широкие дали,
напитаюсь до самых основ.

До глубинной непознанной сути –
в суете уже прожитых дней...
Пусть дорога раздумьем раскрутит
свиток будущей жизни моей.

Я хочу по тебе заскучать.
Это чувство почти притупилось.
Помнишь, нам была явлена милость...
Не пытайся меня удержать.

Слёзы на окне...
Были и в душе.
Зайчик на стене.
Я ушёл уже.

Слёзы на окне,
слёзы на щеках.
Мимо – на коне!
Защипало, ах!..

Всё пройдёт, пройдёт!
Выживи, дружок.
То судьба течёт
по изгибам щёк...

Я забыл уже всё.

Но остались во мне
две блеснувшие тихо слезинки.

И, куда б ни летел я

на белом коне,
всюду видел две светлых тропинки.

Мне по ним не добраться к тебе,

хоть кричи,
не приблизиться к нежному свету.

Две зовущих слезинки

упали в ночи,
но за ними

тебя

уже нету...

БУДУЩЕЙ МАТЕРИ

Ты стоишь, как мадонна, на кромке веков.
Кто писал тебя, помнишь?

И Джотто, и Кранах.
И колышется ветром кисейный покров
на ещё не рождённых, на будущих ранах.

Ты такая святая. Эпоха не та!
Впрочем, было ли проще тогда, в Иудее?
Помнишь, как в неизвестность, спасая Христа,
убегала Мария, на Бога надеясь.

Ну, а после? Стократ повторённый сюжет:
слёзы Матери, Сына предсмертные муки.
И Евангельский – грешному миру ответ.
Сын воскрес, чтобы взять этот мир
на поруки.

Ты такая святая. Во чреве твоём
зреет жизнь. И лицо озаряет улыбка.
Счастье есть. Мы, к нему прикасаясь, живём.
Но звучит наша жизнь, как печальная
скрипка.

* * *

Человечество – пыль. Её сдует
 космический ветер –
и не жар, и не хлад, а иное начало конца.
Если свет – это жизнь, если лик Божества
 ещё светел,
есть надежда на вечность в глазах
 дорогого лица.

Есть надежда на вьюги,
 которым баюкать не ново
и зализывать язвы на теле изрытой Земли.
Жизнь начнётся опять.

Разнесутся раскатом громовым,
набухая от ливня, зелёные зёрна Любви.

Да воскреснет Любовь! Пусть ничто
её больше не ранит.
На пробитых ладонях – навеки следы
от гвоздей.
Пусть не будет обмана, который доводит
до грани
неокрепшие души готовых очнуться людей...

Мне снилось утро. Самое простое.
Всё было так, как было много лет.
Вставало солнце силой налитое,
даря земле животворящий свет.

И раскрывались очи и бутоны
цветов и губ для поцелуев дня.
Но среди всех проснувшихся
влюблённых
то утро не увидело меня.

Я спал и спал, уставший, словно воин.
Сгущались тени на моём окне.
Мне снилось утро. Самое простое.
И кто-то рядом плакал обо мне...

Всю ночь
шёл дождь.
Стекали капли
и мыли зимнее стекло.
И набирала воду в лапья
сосна.
И только рассвело,
она умылась,
посвежела,
упругим ветром завилась
и кудри колкие
вертела
весь день,
в моё окно глядясь.

Глядел Господь
на край умытый,
обласканный
на много вёрст.
И чистые
слова
молитвы
я с чистым сердцем
произнёс...

Апрель не думал появляться
в стыдливой, зябкой наготе.
Уже хотелось удивляться
пыльце на вербином холсте.
Но снег лежал.
С утра морозы
переставали
скалить рот,
но в темень, в лужах
белой розой
извивы льда смыкали свод.

Шли псы по скользким гобеленам.
Машины лёд давили вскок.
О, красота! Когда б нетленна
была ты.
Но приходит срок –
мир предстаёт в грязи и сраме
и плещет жизнью через край.
Ушла зима.
В весенней драме
был ли апрель?
Но вот он – май.

Верба глядит в оконце
глазом пушистым, шалым.
Вестницы нежной солнца
только и не хватало.

Жизнь не совпала в сроках,
но совпадает с песней.
Машет хвостом сорока,
чётко стрекочет вести.

Ей всё давно знакомо,
знает на всё ответы.
Быстро и невесомо
крылья несут по свету...

Лес
мою душу врачует,
виден
из окон избы.
Лесу
любовью плачу я,
листки,
иглы целую,
если иду по грибы.

Вот и сентябрь
на исходе.
Стог загрузил
на лугу.
Убрано всё в огороде.
Кто ни радей
о народе,
выживем
назло врагу.

Лес
мою душу врачует,
стелет под ноги
листву.
Очи закрою
и чую —
облаком чистым
лечу я
и ничего не хочу я.
Осенью
так и живу...

На дно корзины
падают листья.
Лес пуст.
В лесу одни поганки.
Они озябли –
ведьмины посланки –
поджали шляпки,
спрятали хвосты.

А жёлтый лист
летит
на дно корзины.
Не то
копают золото –
глупцы.
Старинной медью
красные осины
меня осыпали,
как нищего
купцы.

Не надо мне
ни долларов зелёных,
ни пахнущих бессилием
рублей.
Люблю октябрь,
по пояс занесённый
шуршащей звенью
родины моей.

НЕБЕСНЫЕ КРОСНА

Они предвещали ненастье
и вот разразились грозой.
А мы говорили о счастье,
хмелил нас
беседы настой.

И мы размышляли о Боге,
как будто Его уже нет!
А Он постоял на пороге,
оставил ромашек букет...

И мы удивлялись подарку,
и каждый был цветикам рад,
ведь осень с деревьев
насмарку
уже посрывала наряд.

Уже корабельные сосны
почуяли близость снегов.
Готовы небесные кросна
и пряжа густых облаков.

И скоро заткут, заметелят,
и саван на землю падёт...
Лишь древние сосны да ели
удержат земной небосвод.

ТРИПТИХ

1.

Ноябрь. И вспоминаю детство...
Коньки-снегурки, дутыши-коньки...
Домашние лекарственные средства
от ран, простуд, притащенных с реки.

О, как всё заживало беспечно!
А что теперь

 так душу мне гнетёт?..
На зеркале воды почти хрустальном
ни ран, ни бед, которым сбился счёт.

2.

Хочется, хочется, хочется
свежести зимней утром.
Топчется, топчется, топчется
день в ожидании хмурым.

Глянет сквозь тучи солнце,
спрячется в тучи снова.
Хоть не смотри в оконце,—
месяц прошёл с Покрова!

Хочется, хочется, хочется
хрупнуть ледышкой звонко,
вслед уходящей осени
кинуть снежком вдогонку.

Хочется мыслей свежих.
Люди – к зиме готовы.
За Введеньём* забрезжит
свет Рождества Христова.

3.

Мороз. Кресты заиндевели.
Зима за горло всех взяла.
Простуженные прозвенели –
не звон, а лязг – колокола.

Дымы столбом из труб выходят.
Лёд – коробом на бороде.
И тихо при такой погоде
в лесу, и в поле – и везде...

* Праздник Введения во храм Богородицы в народе называют Введенье.

ПРИМИ

Прими дары зимы морозной.
Не бойся холода, он – благо.
Скрип снега гулок ночью звёздной.
В алмазы превратилась влага.

Они искрятся в лунном свете,
они сияют в свете дня.
Ну, где ещё на всей планете
так много зимнего огня?!

Прими морозные узоры
на окнах русских деревень,
сугробов выросшие горы,
перехлестнувшие плетень.

Они курятся пылью снежной,
под завыванье долгих вьюг.
Когда становится безбрежной
метель, не вспоминай про юг.

Прими румянец, пар дыханья,
лукавинку в шальных глазах
и тихие слова признанья
на жарких от зимы губах...

Прими простор в широком поле
с разбегами звериных троп
и ощущение русской воли
в словах стрелой летящих строк.

Она душе необходима.
Всё это – Русь, всё это – здесь.
Сюда влечёт необъяснимо.
Прими, как есть...

Среди ветров равнины белой,
открытой вдоль и поперёк,
большая ёлка уцелела
вдали от всяческих дорог.

Ни на костёр, ни для забавы
в жестоких прихотях людей
она не срублена – по праву
уединившихся корней.

Ей смерть сулит лишь буря злая,
как нам отсутствие любви.
Родоначальница лесная,
молю тебя: живи, живи...

ТЕНИ

Я брожу по ночной нелюдимой земле,
где витают родимые тени.

Никого не зову в обнимающей мгле –
неприкаянной памяти пленник...

Им слова не нужны. Всё, что думал сказать,
тени чуют, без слов понимают.

Ах, как хочется тени родные обнять!
Но они, поманив, исчезают.

ЗАТМЕНИЕ ДУШИ

*Безвестным строителям воды
Рыбинского водохранилища*

Однажды —

это было в сентябре,
когда селяне суетятся в поле,
перед зимой жирует зверь
на воле,—
я сам стал зверем на родной земле.
Я приобрел у старого дельца,
в обход пустых указов и законов,
оружие «крутого» образца —
немецкий шмайссер
с ящичком патронов.

А после —

это было в октябре,
когда упал убор листвы древесной,
неотвратимо призванный ржаветь,
пропитанный насквозь водой небесной,
я вынул металлический предмет,
закутанный в промасленную
ветошь,
пропахшую грозой военных лет,
и вышел в лес, точней, в лесную
глушь.

Своей тропой, за кромку синих дач,
где невозможно осенью согреться,

туда, где в шуме ветра слышен плач,
где многоликий стрелочник-палач
не отвечал за остановку сердца.
Где до сих пор надёжнее спецхрана
могилище строителей воды.
Здесь нет крестов, не бесится охрана –
на пенсии за «тяжкие» труды.

Я шёл туда, где молодой стрелок,
отцелив измочаленного зека
роль «санитара» выполнил, как мог,
пробив насквозь, в затылок, человека.

Опасна тяга странная
к стрельбе –
мушкеты, ружья, автоматы, пушки...
О, люди! Мы давно уж не в себе,
хлебнувши зелья из военной кружки.
Нас запах драки тянет поглазеть,
кто делит власть, в кого теперь
пульнули.
Какая разница?! Когда гуляет смерть,
и в любопытных попадают пули...

Опробовать магический предмет
из крепкой оружейной стали Круппа,
молчавший долго – сорок восемь лет,
я вышел в лес, поднявшийся на трупах.
Как на врага, глядел на этот лес,
всосавший плоть невольников убитых.
«Стреляй в него», – шептал какой-то бес
(мы все же с ним в конце остались квиты)...

Впивались пули в крепкие стволы.
Они стонали, осыпая ветки.
Замедленным подобием стрелы
рванулся заяц с лёжки,
как из клетки.

Рассеялось окрестное зверье,
копыта землю, рвя её когтями,
а я всё посылал в небытие
деревья, что укрыли злую память.

Вот так азарт доводит до греха,
который трудно отмолить у Бога.
И строчки покаянного стиха –
к нему от одержимости дорога.
Прости, Господь,
душевный мой раздрай,
прости, что был похожим на убийцу.
Как редок стал некрасовский Мазай,
и мало доброты на русских лицах.

Распуганных зайчишек окликаю
и унимаю страх дрожащих пальцев,
я вспомнил одного Антимазая,
наколотившего прикладом
лодку зайцев.

Своей жене, краснея от натуги,
он преподнёс кровавый тот подарок.
Рассказ о нём восторженной супруги
прочёл в её подробных мемуарах.

Прости мне, лес, затмение души.
Она тиха, по-русски молчалива.

Мне жить дано в твоей густой глуши,
на берегу моложского залива.

Другим,
лукаво память бередить,
под лозунгом идти на баррикады.
Пускай идут. Мне есть что
сохранить.
Святыни есть. Их забывать не надо...

Патроны вышли. Шмайссер утопил,
немецкой сталью затупив подпилочек.
Прошёл октябрь. В Москве народ
бурлил.
Сберечь Россию совести хватило...

1993 г.

1991-й*

Разлетелись осколки магнита.
Каждый что-то к себе притянул.
И они не сошлись в месте взрыва,
но их вечно тянуло
друг к другу...

* 1991-й – год распада СССР.

Страны той нет...
Ломают стены
нездешний быт.
Того, что было,
яд измены
не воскресит.

Жадны властители.
Святыни
пошли на слом.
Кровь
в жилах у народа
стынет,
и в горле – ком.

Проплачено
беды коварство –
в стране труда.
Штормит-качает
государство
лиха беда...

Закончится
лихое время.
Всему –
свой срок!
Предателей России
племя
осудит Бог!

Ах, буйная фантазия моя!..
Работает она – от обороны.
Качаются приветливые кроны,
а кажется, качается Земля.

И кажется, исчезли все мои
друзья, подруги, близкие. И рядом
идут дожди, наполненные ядом.
И звёзды собираются в рои.

И я ищу вселенский пулемёт
и укрепляю наши бастионы.
Пока шумят приветливые кроны,
никто на выстрел к нам
не подойдёт...

ПЛАВУЧИЙ БЕРЕГ

Размытый берег –
зона затопленья.
Куда ещё
податься берегам?
Из-под воды
не выплыли селенья,
покорно
целый мир
остался там.

Не устояли
перед грозной волей
геройские бывшие города.
Орда
не приносила
столько боли,
как эта
рукотворная вода.

Отголосили
зайцы и медведи,
и волки –
на размытых островах.
А люди,
потеснившие соседей,
живут теперь
на новых
берегах.

Но те, бывшие,
поднимает память.
Они плывут
по вехам прежних дней...
До самой смерти
будет душу ранить
плавучий берег
памяти моей.

ЕЛЕНИН КЛЁН

Я посадил Еленин клён
в честь дочери моей.
Не распадётся связь племён –
деревьев и детей.

Часть моего тепла вошла
в земной круговорот.
И песню, что светлым-светла,
душа моя поёт.

Идёт земная череда
рождений и смертей...
Ко мне нагрянула беда
в один из светлых дней.

Вернувшись с дальних похорон,
на дочь свою гляжу.
Там, где растёт Еленин клён,
калину присажу.

ТРИПТИХ

1.

«Съестные припасы подходят к концу –
всё, что заготовил за осень.

Пора собираться с котомкой к отцу
и к маме – в заречную просинь.

Там мясо и рыба, и даже икра
от щуки, попавшейся в сети.

Там – полная чаша съестного добра,
а здесь – погрустневшие дети»,–

так думал не раз я в былые года
под взглядом супружницы строгой.
Теперь собираю продукты в рюкзак,
вожу их обратной дорогой.

И радостно мама встречает меня
и, глядя в глаза, обнимает.
Как много меж нами родного огня,
что души людей согревает.

Качаются ветки за нашим окном,
и ласточка к деткам стремится.
И мы затихаем за полным столом,
чтоб Богу за всё помолиться.

И радостно знать, что исполнил свой долг,
что мать моя мною довольна.
Вот только отца не усадишь за стол,
и сердцу от этого – больно...

2.

Когда закат искрошен на полу
подвижной тенью моего жасмина,
но домовой ещё не взял метлу,
и не повисла темени гардина,

когда в моём саду разлита тишь,
и каждый шорох напрягает тело,
невольно мыслью к юности летишь,
которая так трепетно горела.

И теплится, неясное пока,
чего дороже нет, на самом донце...
И проступает кружка молока,
поставленная мамой на оконце.

3.

Улыбкой беззубой ребёнка ты мне улыбнулась
и радостно так же, как может грудное дитя.
И сердце седое навстречу тебе вострепелось
и радостно так же, о, бедная мама моя!

Ты много не видишь, ты много не знаешь
и всё же
тревожишься кровно о нас, поседевших вдали.
А время безумное племя ослабшее гложет,
почти изглодало и душу, и тело твои.

С улыбкой ребёнка навстречу раскрыла
объятья,
прижалась доверчиво, тихо к сыновней груди.
Смогу ли кому-то вот так же себя
доверять я,
как мать доверяется сыну на крестном пути?

Мы дети твои. Одинокие, грешные дети.
Безумное время! Нет, стали безумными мы!..
Никто никогда и нигде на Земле
не приветит,
как мама, как мать на пороге
грядущей зимы...

НА ОСТРОВЕ

Глухомань. Бурелом да валежник.
Я сюда зазывать не берусь.
Здесь ещё непролазней, чем прежде,
но осталась старинная Русь.

Здесь осталось! Осталось! Осталось
то, что сердце пронзающе жжёт,—
эта самая, самая малость,
что к себе отовсюду ведёт.

От росы поседела осока.
Сквозь осины синее вода.
Хлопотливо стрекочет сорока
и опять зазывает сюда.

Мы с отцом здесь грибы собирали.
Столько мы собирали грибов!
Выносить их, порой, вызывали
на подмогу троих мужиков.

А когда из земли подымался,
покрывал остров гриб-боровик,
к нам в мечтах прямо в лес опускался
домотканый ковёр-грузовик.

Вы такое видали едва ли.
И грибов так же много опять.
Только катятся слёзы печали,
грустно стало грибы собирать...

Я двигаюсь в жизни
рывками,
а надо бы
медленней жить —
потихе
стучать каблуками,
пореже
махать кулаками,
семью понадёжней любить.

А надо бы
больше трудиться
для ближних и дальних
родных,
пред Богом почаще виниться,
ценить журавля
и синицу.
А что мы
без тех и других?

Мне жить так
никто не мешает,
да, видно,
характер не тот:
журавль,
как всегда,
улетает,
на воле
синица живёт...

ЧАЙКА

Нахмурились синие воды,
их ветер порывом смутил.
Надрывный гудок парохода
прощающихся торопил.

Красивая чайка взлетела,
когда отдалялась земля –
и девочка в платице белом,
и мать, и отец, и друзья...

Без звука душа закричала,
когда их из глаз потерял.
Меня у другого причала
никто не любил и не ждал.

Лишь чайка, бывало, кружила
над новым, случайным, жильём,
как будто мне весть приносила
о тех, кого любим и ждём.

Человек, идущий по бульвару
сквозь листву, летящую с ветвей,—
он не молодой, но и не старый,
часть пейзажа осени своей.

Он идёт, а листья облетают,
новый путь позолотить спеша.
Где его душа сейчас витает,
золотую памятью шурша?

Улетела, может быть, к дороге,
насулившей счастье невпопад.
Или, призадумавшись о Боге,
он идёт
сквозь звонкий листопад...

Осень людям скрашивает время,
помогает мудрость обрести:
хорошо бывает только с теми,
с кем по жизни выпало идти.

Это осень, мой друг!
В окна просится северный ветер.
Это осень, мой друг!
И осталось одно воронье.
Да ещё воробьи,
лёгкой стайкой,
как малые дети,
из-под старой стрехи
вылетают.
Всё ищут жнивье.

Дом смертельно устал
от гостей,
от сезонных застолий.
Здесь вино забавляло
слетавшихся разом людей.
Но куда надевать
ощущенье
терзающей боли
на краю позабытых,
почти умерщвлённых полей?

Это осень, мой друг!
Это силы её на исходе.
И чем дальше, тем проще
идти по земле
налегке.
Это осень опять,
поклонившись,
тихонько уходит.
Словно любящий кто-то
ладонью провёл
по щеке.

Придёт декабрь.
И станем вспоминать
про ягоды –
смородину, малину.
Придёт декабрь.
И станем доставать
свои
настоянные
ягодные вина.

Откроем штоф,
которому лет сто,
а может двести –
предки сохранили.
И мы в него
домашнее вино
по их примеру
в августе
разлили.

Звенит бокал,
у нас в дому тепло.
На звон вина
друзей слетятся тени.
Им всё равно,
что тропы замело.
И ты с бокалом
сядешь
на колени...

ПУГАЛО

Знаешь, силы мои на исходе.
И врагов научился прощать.
Даже пугало на огороде
перестало кого-то пугать.

Как похожи теперь на распятыя
эти пугала прежних времён!
Крест на грядке,
 в изношенном платье,
как приманка для наглых ворон.

Знаешь, сил уже нет. Износился до скелета, до дыр в башмаках. С белым светом ещё не простился, но уже потерял
всякий страх!..

Я оплатил свободу до утра
в гостиничной убогой одиночке.
Иссякла кровь уставшего пера.
Так я дошёл до тихой синей точки.

Рассвет забрезжил. Спали фонари.
Они всю ночь отчаянно светили.
Их с вечера зачем-то напрягли
и только утром разом погасили.

А я смотрел на точку, что росла
и превращалась в синее пространство.
Исчезла грань листа, потом стола.
Так я сменил и время, и гражданство.

Я стал ничей, нигде и никогда.
Какой-то звук пытался достучаться.
Я оплатил свободу навсегда,
и не хотелось в рабство
возвращаться.

Поэзия – порядок слов,
который продиктован свыше.
Его сперва поэты слышат,
потом – кто слушать их готов.

А есть ещё порядок снов –
летучих, чутких откровений.
Его толкуя, ясный гений
готовит пищу для умов.

А жизнь – игра в порядок дней.
Судьба тасует яркий веер,
швыряя в топочный конвейер
тузов, шестёрок, королей...

У смерти нет порядка дней.
Рой снов другому будет сниться.
Поэт – сквозь время воплотится
порядком слов в душе твоей.

СКВОРЦЫ

Поэт живёт
в своей каморке
тесной.
По жизни –
уподобился
скворцу.
Поёт он песню
о весне чудесной,
хвалу поёт
Природе
и Творцу.

На стенах –
репродукции и снимки
ушедших мастеров,
минувших лет.
Есть среди них
портрет
одной блондинки
из юности,
которой
больше
нет...

Зовут
скворчиху
переливы песен.
Стихи поэта –
разбудили дом.

Как тесен мир!
Но тем и
интересен,
что со скворцом,
с поэтом
мы живём.

Давненько не видел
хороших стихов.
Их пишут, конечно,
но мало кто знает.
Их в узком кругу
некий автор читает,
способном понять
вышивание слов...

На площади пусто,
когда не торгуют.
Народ озабочен
отсутствием денег.
Их густо сегодня
у тех, кто ворует,
им благоволит
криминальное время.

На площади автор
не будет услышан.
Чем лучше стихи –
тем они ненужнее.
Он, выйдя на площадь
посланником свыше,
опасно рискует
несвёрнутой шеей.

Он в узком кругу,
не уйдя из народа,
однажды заснёт,
отчитавшись построчно,
бесславный,
из крепкой ненужной породы,
наследуя вечность
за стих беспорочный.

Сердце знает:
можно сразить
взглядом...
Если стоишь на краю,
можно сорваться вниз —
от тех, кто рядом.
Можно
подняться вверх
по лестнице
чужой мечты,
не вызывая смех,
но это будешь
не ты.
Шею себе
не свернув,
ты можешь
остаться там,
но помни: своя судьба,
крепко бьёт
по мозгам.
И сколько бы ни вопил
ты
на вершине мира,
Ты не туда ступил,
сердцу то
ведомо было.

Может наскучить грех,
может подгнуть
карниз.
Помни: желанный верх
легко возвращает
вниз...

Зал наполовину пуст,
значит наполовину полн.
Его можно поднять, как тост,
можно забрать в полон.

Как в бою – либо трус,
либо ты трусом не был.
Когда зал наполовину пуст,
следует говорить с небом...

Я смотрю по ночам
на звёзды,
на реку,
отразившую их.
Берег жизни,
а может,
остров...
Доживаю,
свой век
отразив.

В темноте
незаметно течение,
ощутимей зато
волшебство.
Так
рождается тихо
творение.
Кто-то шепчет
и шепчет
его.

Спасительно рождённые слова...
Они в душе так долго созревали:
обтачивались,
пары подбирали,
то уходили вглубь,
то выплывали...
То, как трава,
сквозь тело
прорастали!

Произносили их,
безудержно шептали
и через время
в письмах отсылали...
За тридевять земель
их ожидали!
Они всегда так много означали –
спасительно рождённые слова!

И на века
сокровищами
стали...

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Всё увидят,
оценят, осудят,
издадут не один
яркий том.
Жаль,
что даже хорошие люди
по достоинству ценят —
потом.

Неприкаянной жизни
стезя
довела до бессмертья
Рубцова,
ничего в ней
исправить нельзя,
как из песни
не выкинуть слова.

Узаконился
ранний уход.
В день печали
стихом помяни.
Неживучий поэты народ.
Русь, Россия!
Храни их,
храни...

ПАМЯТИ ВЫСОЦКОГО

Сколько было много дано —
всё ему! Раздал, не скупясь.
Для себя молил об одном:
не порвать бы тонкую связь.

От кого талант — знают все.
Оттого и пел на разрыв.
Белкой не кружил в колесе,
до конца судьбу отслужив.

Отыграв, отпев, откричав!
Как не лопнуть было струне!
Потому лежит величав
не в чужой, в своей стороне...

Все умрём. Только в разное время...
Жили-были во время одно
и Поэт, и бесовское племя
и сражались они, как в кино.

И смотрело на долгую битву
много жителей грешной Земли.
А пропели бы хором молитву,
всю бы нечисть навеки смели.

Но глазели, жевали и пили,
и смеялись Поэту вослед.
Не заметили, как погубили
не Поэта, а Истины свет.

Ко мне прижалось одиночество вчера.
Я не прогнал его и понял, что – навек.
В моём жилище будет вечно виться снег,
летя на угли неостывшего костра.

О, этот снег, и эти угли, и в углу
не то вуаль, не то раскинутая сеть.
Не знаю, сколько ей, пылясь, теперь висеть,
но знаю точно, что не подниму метлу.

Со мной осталось одиночество. Оно
сухим дождём отёрло мокрое лицо.
И опрокинуло в сирень моё крыльцо,
и занавесило акацией окно.

Скучает лампа на неприбранном столе.
Она другого одиночества – маяк.
Я что-то долго не зажгу её никак.
Но мотыльки уже кружатся на стекле...

НАЕДИНЕ

Наедине
с притихшею водою,
наедине
с небесной синевою,
наедине
с опавшею листвою
и с мыслями, что стали глубоки,
становишься подобием реки,

где
по небу летящий самолёт
в зеркальном измерении живёт.
Душа
всё отражает, как река,
и оттого
бездонно глубока.

Не нарушай
бездонность
тихих вод.
Подует ветер – всё само пройдёт...

ПОЭМЫ

БАБОЧКА

1.

Влетела бабочка. Она
была подобна наважденью,
вернувшемуся яркой тенью
из повторяемого сна.

О, сколько раз в разломы ночи,
когда мозги сосала тьма,
влетали бабочкины строчки,
чтоб не сошёл поэт с ума.

О, сколько раз, как привиденье,
он шёл к листу, и в темноте
ему светило вдохновенье,
сплетая буквы на листе.

Как мотыльки, они слетались
за другом друг, строка к строке
и на бумаге оставались,
не на песке. Не на песке...

Горело сердце, как лампада,
неугасимая в ночи.
Кто жил тогда с поэтом рядом,
пускай об этом помолчит.

Словами – горю не поможешь,
а вдохновение – спугнёшь,
иные чувства растревожишь
и неминуемо солжёшь...

А мотыльки? Они остались,
прожгли свой незабвенный след.
Они на свет души слетались
и знают, как сгорал поэт.

2.

Влетела бабочка. Она
была, как прежде, невесома.
Порхала в закоулках дома
и возвращалась в створ окна.

Стекло – прозрачная преграда.
С той стороны свободы свет –
ветвями машущего сада
благоухающий привет.

Зовёт к себе. И бьются крылья,
с них осыпается пыльца.
Там – след любви, здесь – след всесилья
закрывшего окно глупца.

То вверх, то вниз она скользила.
И снова – вверх, набравшись сил.
Вот так и ты, когда любила.
Вот так и я, когда любил...

3.

Влетела бабочка. Она
внесла с собой сиянье лета.
Его лучами обогрета –
от ласки солнечной хмельна.

Красавица! Оживший танец,
в себя вобравший свет и ритм.
Исчезнет – жизнь пустее станет,
как без молитв. Как без молитв...

Откуда ты? Несома ветром
или прошла сквозь грань миров,
одолевая километры,
прошедших снов? Прошедших снов...

Ты жизни дух иль смерти вестник?
Где толкование примет?
В определителе известий
такой, как ты, покуда нет.

Но были бабочки другие,
другие были мотыльки.
В лугах мы их полёт ловили,
по берегам родной реки.

Потом иголкой убивали,
сушили, крылья распрямив,
зачем-то долго сохраняли,
ничей полёт не оживив.

Как шелестевшие стрекозы,
тот мир остался вдалеке.

На стёклах лет исчезли слёзы,
как дождь в песке. Как дождь в песке...

Но в памяти – ковёр звенящий
травы, срезаемой отцом.
И дух земли – цветной, летящий,
крылом овеявший лицо.

Покой и мир – в объятьях радуг.
Их породил ушедший гром.
Наверное, зачем-то надо
всё обновлять, пока живём.

4.

Влетела бабочка. Она
не понимала, что здесь надо.
Но, странный дом окинув взглядом,
увидела, что не одна.

И в этом доме – мрак и пепел,
застыла злоба по углам,
и взгляд затворников не тепел,
здесь правил хам, и правит хам.

«Она моя!», – толпа вскричала.
Рванулись руки к красоте.
И красота затрепетала,
как на кресте. Как на кресте...

Пульсировало что-то в теле –
загадка, тайна бытия.
И рядом ангелы запели,
покинув райские края.

Душа моя! Тебе не место
среди человеческих руин.
Лети туда, где свет небесный,
туда лети, где Бог один.

И свет возник – знак перехода.
И распластали крылья в лёт.
Тебя унижит часть народа,
но не народ. Но не народ...

5.

Влетела бабочка. Она
презрела, видно, время года.
Кругом застывшая природа,
а на душе – весна-красна.

И лёгкость, радость в бренном теле,
очарование волшебства.
Наверно, зиму отогрели
молитвы праздничной слова.

И сжалась сдавшаяся стужа,
прозрачным сделалось стекло.
И над Землёю снова кружит
зимой – вселенское тепло.

Не зря влетел цветок крылатый –
пространству грешному привет –
напоминанье светлой даты
сквозь толщу лет. Сквозь толщу лет...

БЕЛЫЙ ВОРОН

Евгению Лебедеву

ВСТУПЛЕНИЕ

Белый ворон не был белым.
Был, как все.
В меру чёрным, в меру серым,
в меру сед.

В меру в центре был и с краю
день и ночь.
А когда стреляли в стаю,
мчался прочь.

Жизнь – она такая штука –
был и нет.
Прозевал стрелу из лука –
всем привет.

А теперь, как лунь, стал белым.
Тот ли свет?
Жив ещё, но шепчет тело:
всем привет.

Спору нет – такая штука,
в ней секрет.
Всем Привет придёт без стука
с цепью лет.

И посадит на цепь время
жизни сей.

Были годы, было племя,
стал – ничей.

Чьи мы в этой жизни новой?
Нов закон.

Деньги правят, а не слово.
Всё – на кон.

Всё – на кон! Себе дороже
стало жить.

Чем ещё на свете можешь
дорожить?

СТАЯ

Разные бывают стаи,
но с одной
ощутимей счастье рая,
кров родной.

И свои, родные дети –
всех милей,
хоть и нету в целом свете
их черней.

И когда их время ставит
на полёт,
сердце стаи замирает
и поёт.

Кровь родную не обманешь --
вот он свой.

С высоты судьбу таранит,
и – живой.

Что, отцы?! Глядите гордо
на сынов!..

Белый ворон! Белый ворон!
Где твой кров?

Где твой дом, гнездо бывшее,
твой очаг?

Что так громко ветер воет,
дует так?

Где тепло ушедших вёсен,
стаи грай?

Неприютен мир, несносен –
улетай.

И тогда поднялся ворон
белый сам,
к белой стае, белым-белым
облакам.

ГОЛОС

Рано, ворон, ты собрался к праотцам,
ты один теперь заслоном подлецам.

Только ты насквозь их видишь, словно маг,
только ты теперь и знаешь, кто здесь враг.

Только ты сумеешь правду рассказать,
а смолчишь, тогда прощай Отчизна-мать.

Рано целишь на последний перелёт.
Возвращайся, ворон, небо не уйдёт.

А чтоб знал ты, что сюда не зря летел,
будешь ты заговорён от пуль и стрел.

И другую песню стаям будешь петь –
песню жизни, побеждающую смерть.

ПЕСНЯ

Соловьи поют сладкоголосо.
Называют певчими – дроздов.
Карканье ворон, как знак вопроса,
нету в нём ни складу, ни ладов.

Карканье ворон – набат, тревога.
Знак покоя стай – тишина.
В белом горле ворона от Бога
взорвалась басовая струна.

И хрипя до клёкота, до грома,
посылая звуки на разрыв,
песня прорвалась, судьбой влекома,
стае разметавшейся призыв.

Ворон пел, белея и сливаясь
со снегами Родины своей.
Пел один. Ему внимала стая,
становясь и выше, и сильнее.

Кто теперь неверный путь укажет?!
Вороньём – никто не назовёт!
Белый ворон совести – на страже!
Белый ворон всех перепоеёт!

Соловьи поют сладкоголосо.
И дрозды поют, но не о том.
Родина и жизнь – цена вопроса.
Мы хрипим, но значит, мы
живём.

ПАМЯТЬ КРОВИ

Когда всплывает в памяти строка,
рождённая в минуты вдохновенья,
всплывает с ней и всё стихотворенье,
которое осталось на века.

Когда впервые белое крыло
касается крыла своей любимой,
уходит в сердце миг неповторимый
и там живёт, куда б ни занесло.

Когда бойца встречают после битв
и провожают к дому как героя,
не ведают, что в нём картины боя
навекі кровь потомкам сохранит.

Когда чужие твой поганят дом,
и Родина под игом изнывает,
бессмертная душа напоминает,
что для свободы Родины живём.

Когда, покинув юг, летит кулик
за много вёрст к родимому болоту,
не объяснить ни одному пилоту,
как он летит – без карты напрямик.

Не объяснить. Примеров несть числа,
что наша память и до нас жила.

БЕЛЫЙ КРЕСТ

Он летал над водами, лесами,
над полями мрака и огней,
над святыми, грешными местами
и над теми, коих нет родней.

Всё увидел, всё окинул оком –
под благословение небес.
Белый ворон взлетел высоко,
распластал по небу белый крест.

Мутная, ослабленная стая,
исчезая, выживет тогда,
если белый вождь её возглавит
в день и час, когда придёт беда.

Где набраться сил? К каким истокам
припадёт, изверившись, душа?
Нет в своём Отечестве пророка –
к ней ловцы заморские спешат.

День и ночь над Родиной витает
воин духа, воли господин...
Белой веры власти не хватает
в пору смуты, в пору злых годин.

Белой веры, праведного слова.
Правит верно – совесть, а не страх.
Не пьянит дурман болиголова,
если нету страха в головах.

Если путь победами отмечен
над ордой мертвящих тёмных сил,
этот путь и праведен, и вечен,
на него Господь благословил.

Сердце на него благословляет –
с ним идти, куда б ни занесло...
Белый ворон силы собирает
под своё, под белое крыло.

ПЕРО

Уронила природа перо,
белых перьев не так уж и много.
Шёл поэт одинокой дорогой,
переполненный музыкой слов.

Белых перьев не так уж и много.
И когда прямо в руки падёт –
это знак всемогущего Бога,
это дар, что по жизни ведёт.

Лист бумаги, перо, и с любовью
строчки строятся в ритмы спеша.
Не чернилами пишут, а кровью,
если с Богом общалась душа.

У избранников чистого слога
лёгок ход, за плечами – сума.
Белых перьев не так уж и много,
чёрных перьев – слепящая тьма...

Всё – устроено в мире хитро!
Где иголка? В яйце или в стоге.
При забытой, заросшей дороге
уронила природа перо...

ЛУЧ

«О, память сердца!»

К. Батюшков

1.

Сколько лет прошло!
Сколько минуло!
Только память в нас
не погинула.

То слезой пробьёт
сердце русское.
То цветком падёт
на камни грустные.

Видно, глубоко
душу ранили
силы тёмные,
дни печальные.

И болит душа,
сердце мается.
Всё война-война
вспоминается.

С самых первых дней –
до последнего,
долгожданного,
до победного...

Кто погиб в войне —
не воротится.
Не вернись отец —
не было б меня.

Не было б сестры,
брата старшего.
Не было б сейчас
внуков, правнуков...

Кто погиб в войне —
в роду памятен.
По нему не раз
закипит слеза.

Вот опять в глазах
затуманилось.
Сердце дрогнуло,
и увидел я.

Из нависших туч
опустился луч.
В нём не гром гремит,
в нём — земля горит.

И звучат кругом
только слова два:
«Началась война!
Началась война!»

Началась война —
поднялась страна.
Началась война —
стало не до сна!

2.

Не гляди, что мал
и давно не сыт.
Кто за правду встал –
тот и победит.

За того всегда –
совесть русская.
В честь него потом
будет музыка.

А пока сквозь пот –
края нет забот.
И война идёт
уж не первый год.

И не первый год
люди маются,
но в огне беды
закаляются...

Закалилась сталь,
распрявился фронт.
И прогнулся враг,
и несёт урон.

И во все концы
летят весточки –
будущей весны
вести-ласточки.

Эх, поиграй, гармонь,
да на краю села,
чтобы колхозница
частушку спеть смогла:

«А было мало сил
и сна не ведали,
но родной земли
мы не предали.

Полетел снаряд,
заряду много в нём,
заразу Гитлера
пускай сожжёт огнём.

С фронта весточки приходят
про дела военные.
Хорошо фашистов гонят,
наши дроли верные.

Похоронку прочитала.
Ой, держите девушку!
Прочитала и упала
на сыру земелюшку...

У нас будет жизнь,
настанет мир и лад.
А ты вернись, вернись
скорей домой, солдат».

Ой, военные
фотокарточки!
Ой, бойцы-отцы,
бойцы-мальчики!

Сколько вас лежит
во родной земле!
Сколько полегло
на чужбинушке!

Ой, военные
треугольнички!
Сердцем писаны
ваши строчечки:

«Как вы там в тылу?
Не обижены ль?
Сыты ль, целы ли?
Потерпите чуть...»

Ой, военные
кинохроники!
Кровь и пот войны –
всё вы помните...

Если память-нить
глубже раскрутить,
так и вспомнится,
как могли мы жить.

Как поля, стада
были тучными.
На Земле тогда –
мы были лучшими.

Не страшит беда,
если вместе все.
Слёзы – без следа,
если рядом друг.

А когда враги
враз навалятся, –
тяжело в бою,
но им достанется!

Знали б наперёд
все, кто зарится:
наш народ врагу
не станет кланяться.

Оживить бы тот –
довоенный рай!
И молить-кричать:
«Рай, не умирай!»

Вновь на свете жить –
не получится!
Всё по прошлому
сердце мучится.

4.

И опять из туч
опустился луч.
Опустился луч
в поле спелой ржи.

На краю его
наш боец лежит.
Неживая тень,
над бойцом кружит.

И горит кругом
поле русское.
Но в дыму – лучом
тропка узкая.

А за нею дом –
в шесть окон фасад.
То идёт к нему,
то ползёт солдат.

Знал, за что врага
бил без счёта он.
Всю его семью –
увели в полон.

И пока семью
он не вызволит,
будет падать враг,
а он – будет жив.

То — святая месть
за Отечество.
Знай — у нас с мечом
делать нечего.

Сколько раз враги
скопом шли на нас,
только смерть нашли,
каясь в смертный час.

Как скала был дом,
крепко срубленный.
Счастье жило в нём,
да погублено.

Где найти теперь
тропку тайную,
за которой дверь,
где сраженью край.

Не о рае речь,
о потерянном,
а о том мече,
заговоренном,

что поможет нам
всюду выстоять,
укорот найдёт
на любую рать.

Всё идёт солдат
к дому русскому
сквозь огонь и дым
тропкой узкою.

И в лучах за ним —
не разбойный свист,
а воскресли все,
кто душою чист...

Всё идёт солдат,
и поёт труба,
не забыт никто,
хоть горька судьба.

Был один за всех,
все — за одного.
И звезда, и крест
на груди его.

Погоди, слеза,
застилать глаза —
святы лики их,
словно образа.

Всяк живой — за мир
им поклонится.
Пусть из рода в род
подвиг помнится.

Пусть звучит в веках
наш победный гром —
от любой чумы
защищая дом...

Долог выпал путь,
долог выпал бой.
Отдохни, солдат,
ты пришёл домой.

Впереди — не дым,
не снарядов вой.
Но печаль войны
будет жить с тобой.

И в лучах страны
среди бурь и туч
будет ярче всех
тот военный луч.

Он вошёл и в явь,
он вошёл и в сон —
кровной памяти
по народу стон.

Он навевает нам
повесть не одну
и про ту войну,
и про ту страну...

ИГРУШКА ПЛАНЕТ

(поэма-предостережение)

Когда межпланетный компьютер
свалился на Землю из сфер,
был рад этой звёздной минуте
опальный гордец Люцифер.

Он знал: равнодушная Вечность
бесстрастна ко всем и всему,
но выпадет шанс в Бесконечность –
покинуть земную тюрьму.

Он знал: это звёздное тело –
не просто упавший предмет,
и если оно прилетело,
то ждать больше времени нет.

На куклу похожее нечто
служило игрушкой мирам.
Они забавлялись беспечно,
её отправляя друзьям.

Как мяч по бескрайнему полю,
планетами сделанный пас,
без воли своей и без боли
она выполняла приказ.

Но сбой в межпланетной программе
снял с курса подарок небес,
и вскинул ликующе длани
Творца ненавидевший Бес.

Всё то, что когда-то давало
ему, Люциферу, полёт,
в бесценной игрушке дремало,
как звук неразбуженных нот.

В глубинах её подсознания
шумела трава-мурава,
хранились за костною гранью
бесценных заветов слова,

слияние нежных созвучий,
краса неземных атмосфер...
Всё то, что в падении с кручи
утратил гордец Люцифер.

Но память о прежнем величье,
сравнимом с величием Творца,
ночами бессонными кличет
такого ж, как сам, гордеца.

Их много среди человеков,
утративших Рай на Земле;
им пить бы бессмертия млеко,
но вверили жизнь Сатане.

Дозируя знания и смыслы,
открытий связующий ряд,
в ткань формулы двигая числа,
безумцы решились на Ад.

Их формула счастья – в прогрессе,
плодящем манящий комфорт.

И мир остаётся без чести,
без совести... Скор приговор.

Нет, гибель не в том, что планета
собьётся с земного пути,
а в том, что без Божьего света
нельзя по орбите идти.

Стезю эволюции строгой
нарушил безумный прогресс.
И крылья теперь – не от Бога.
И двигатель жизни – исчез.

Украдены многая лета...
Столетье всего лишь прошло, –
и нет никакого просвета,
и к Раю пути замело.

Лишь в детстве, что так быстротечно,
приходят крылатые сны...
На куклу похожее нечто
упало к ногам Сатаны.

Он думал, что всё поправимо,
и сможет, как прежде, взлететь.
Но словом – не всё объяснимо,
и цифрой – не всё можно счесть,

и сбой в межпланетной программе
недрёмные веки – смежил.
Сквозь них ощущались мерцанья,
биенья сияющих крыл.

Когда проходила Пространство
и Время Игрушка планет,
не знала, что грех окаянства
томится на грешной Земле.

Она ведь всего лишь игрушка,
игрушкам грехи невдомёк,
всего лишь послушная служба,
которую вылепил Бог.

В чьи руки она попадает,
тот временно ей господин.
Она не кричит, не страдает
среди ледящих картин...

Природа вселенской гордыни
рождает слепящую тьму.
Жилище гордыни – пустыня,
но тесно и в ней – одному.

Пустыня – весь мир, вот цель мести,
которой нет равных нигде.
Без совести души, без чести,
где пишут закон на воде.

Крутилась машина прогресса,
весь в хлопотах жил человек.
Звучала нездешняя месса,
пророча космический век.

Зов космоса – сфера науки.
Но всех энергетик сильнее

любимые женские руки,
улыбки счастливых детей.

И всё это было, как будто,
казалось, так будет всегда,
но вторгся в сознание вампьютер*,
и в жизни повисла беда.

Доступны высокие блоги,
но суть – достоянье не всех.
Всем кажется – стали как боги,
но богом становится грех.

Причастность к незваной элите –
всего лишь дисплейный обман:
а ну, президент, улыбнитесь!
а ну, потеснись, капитан!..

Играет нездешняя дудка,
качаются люди ей в такт.
Танцуют компьют и компьютка,
качают интерконтрафакт.

* Вампьютер (от нем. Vampir и англ. Computer), разг. – компьютер по отношению к человеку, впадшему в так называемую компьютерную зависимость; вампьютеризация – распространение компьютерной зависимости в обществе. В ходу также слово осетенеть – срастись с Сетью, «запасть» на ней; осетенелый (ср. осатанелый, остервенелый) – наркотически зависимый от Сети.

Прикован к «стрелялке» бездельник,
всё метит в кого-то попасть.

Игру стимулируют деньги,
войну стимулирует власть.

Но власть в мире – тоже от денег.
И сколько б ни пыжилась вновь,
не демос ей дорог, а Демон.
Бодрит её – свежая кровь...

Искусство творенья – от Бога,
спасает творца и народ.
Наказано мастеру строго:
есть музыка нот и банкнот.

И в мире, где звон капитала
стал общей молитвы сильней,
искусство, считай что, пропало,
исчезло из поля идей.

И в деньги – игрушку простую –
весь мир заигрался давно.
Торгуют. И снова торгуют.
Погибель близка, как в кино.

Как хочется миру безопасно
в гигантский коллайдер* сыграть!
А годы и так быстротечны.
Безумие их ускорять!

* Большой адронный коллайдер – самый большой ускоритель элементарных частиц. Был построен для доказательства «Стандартной модели» Вселенной.

И кванты Божественной воли
гонять против воли Творца
в искусственно созданном поле —
бессмысленный грех гордеца.

Есть тайны, которые вечны, —
подаренный Истины свет...
В обличье пришла человечьем
на Землю Игрушка планет.

Ей сны новой родины снились,
но срок есть у каждого сна.
Глаза этой куклы открылись,
была, как живая, она.

Давильня земного прогресса
не сделает шагу назад.
Опальный вселенский повеса
задумал другой игромат.

Пора приниматься за дело.
Коллайдер — громоздкий предмет,
и что там внутри пролетело,
рассматривать времени нет.

В руках драгоценность иная,
живое подобие врат:
сквозь них души в Рай попадают,
сквозь них души падают в Ад...

В ткань жизни однажды внедрилась
злой силы мертвящая нить,
и сколько б Земля ни кружилась,
страдая, придётся кружить.

Ведь распря идущая – вечна
меж Злом и Вселенским добром;
и это ложится на плечи –
со Светом и Тьмою живём.

Свет Совести лечит гордыню.
Где грех, – там и Совести свет.
И грешных – она не покинет.
Воскресла Игрушка планет!

И Тьма сотрясла Люцифера,
из тела его исходя
потоками злобы – без меры,
гасящего души – дождя.

Компьютеры страшного века,
готовые души отнять
и сделать ничем человека,
замкнуло приказ исполнять.

Захлопнулась грань перехода,
закрылась стезя пустоты...
Свет Рая несётся народам,
оболганный свет Красоты.

Там, где совершалась попытка
продолжить погибельный путь,
качается тонкая нитка,
для тех, кто готовы рискнуть.

Там в форме спирали отныне
шипит отрицательный свет.
Там мечется буря в пустыне.
И рядом – Игрушка планет...

СОДЕРЖАНИЕ

Ритм провинции чист	5
Однажды	7
Город.....	8
Свидание со столицей	11
«Не колокольчика тоска...»	13
Другие города	14
Русская сказка.....	15
«Люди-птицы, куда вы летите?!»	16
«Кому-то кирпичные стены...»	17
«Сушили крылья толстые стрекозы...»	18
«В стенах родительского дома...»	19
Поминальные свечи	20
«Храни тебя Господь...»	21
«Печальны нынче...»	23
Станиславу Золотцеву	24
1. «Молчали об этом всеведы...»	24
2. «Мы знакомы стихами...»	25
«Живой воды...»	27
Метель	29
«Стал горек хлеб...»	30
«В прошлом нет запасных вариантов...»	31
«Я плачу, глядя фильмы о войне...»	32
Завет.....	33
«Немного в целом мире...»	34
«Сколько слов носит ветер?...»	35
«Неприютность бывает...»	36
Наше.....	37
«Велик соблазн...»	39
«Я жить хочу в России...»	40

Провинциальная прогулка.....	42
«Она идёт мимо нашей воли...»	46
«Я в детстве гладил жеребёнка...»	47
Постаревший Буратино	49
«Не будите...»	50
Ритм света.....	51
«Жизнь банкует...»	52
Тело	53
Душа.....	54
Тайна	55
«Который час сегодня на Земле?...»	56
Напоминание	57
«Во мне живут ростки...»	59
«Что с тобой стало, что сделалось?...»	60
«Я любил тебя так давно...»	61
Письма	62
«Пишите письма о любви...»	63
«Душа моя! Снег бел...»	64
«Ты думаешь никто...»	65
«Тучи пронзила луна...»	66
Сон	67
«Вы сказали мне: «Ангел!...»	68
«Ты о чём задумалась, колдунья?...»	69
Остров спасённых	70
Романс	71
Бегунья	72
«Здесь что-то чудное творится...»	73
«Я хочу по тебе заскучать...»	74
«Слёзы на окне...»	75
«Я забыл уже всё...»	76
Будущей матери	77
«Человечество – пыль...»	78

«Мне снилось утро...»	79
«Всю ночь шёл дождь...»	80
«Апрель не думал...»	81
«Верба глядит в оконце...»	82
«Лес мою душу врачует...»	83
«На дно корзины падают...»	84
Небесные кросна	85

ТРИПТИХ

1. «Ноябрь. И вспоминаю...»	86
2. «Хочется...»	86
3. «Мороз. Кресты заиндевели...»	87
Прими	88
«Среди ветров равнины белой...»	90
Тени	91
Затмение души	92
1991-й	96
«Страны той нет...»	97
«Ах, буйная фантазия моя!..»	98
Плавучий берег	99
Еленин клён	101

ТРИПТИХ

1. «Съестные припасы...»	103
2. «Когда закат искрошен на полу...» ...	104
3. «Улыбкой беззубой ребёнка...»	104
На острове	106
«Я двигаюсь в жизни...»	107
Чайка	109
«Человек, идущий по бульвару...»	110
«Это осень, мой друг...»	111
«Придёт декабрь...»	112
Пугало	113
«Я оплатил свободу до утра...»	114

«Поэзия – порядок слов...»	115
Скворцы	116
«Давненько не видел...»	118
«Сердце знает...»	120
«Зал наполовину пуст...»	121
«Я смотрю по ночам...»	123
«Спасительно рождённые слова...»	124
Памяти Николая Рубцова	125
Памяти Высоцкого	126
«Все умрём...»	127
«Ко мне прижалось одиночество...»	128
Наедине	129

ПОЭМЫ

Бабочка	131
Белый ворон	137
Луч	145
Игрушка планет (поэма-предостережение)	155

*Автор благодарит за содействие
в издании книги «Плавучий берег»
Геннадия Сазонова, Виктора Логинова,
Василия Соловьёва.*

Юрий МАКСИН
ПЛАВУЧИЙ БЕРЕГ

Стихотворения и поэмы

Подписано в печать 25.04.2013. Формат 70×90/32.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,09. Тираж 500. Заказ 46.

ООО ПФ «Полиграф-Книга».
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

